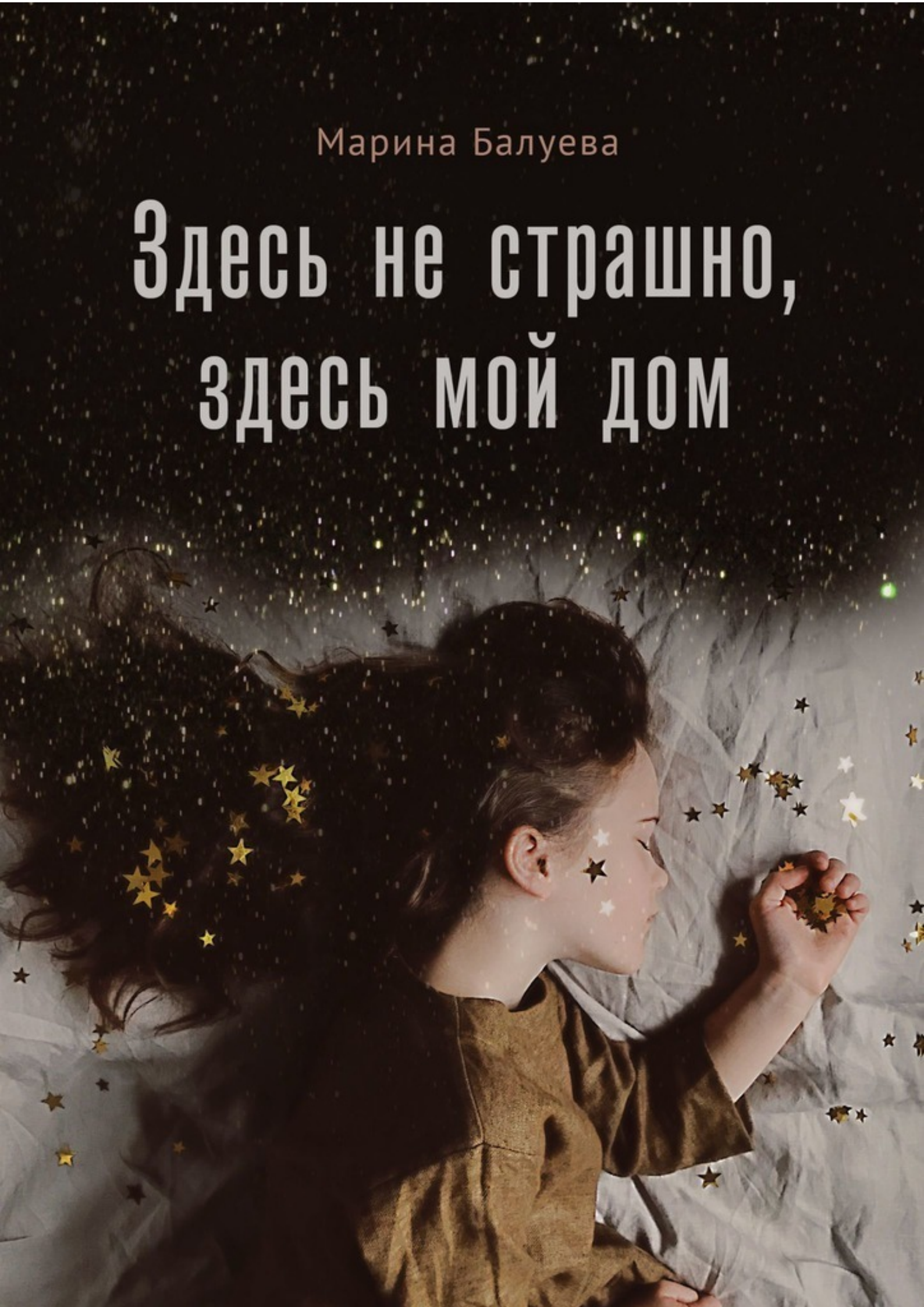

Марина Балужева

Здесь не страшно, здесь мой дом

Марина Балужева

Здесь не страшно, здесь мой дом

«Издательские решения»

Балуева М.

Здесь не страшно, здесь мой дом / М. Балуева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503439-7

В обыденном понимании страху противопоставлена храбрость. Христианское учение о человеке противопоставляет страху любовь (читайте апостола Иоанна Богослова). Герои Марины Балуевой переживают страх: от бытового (потерять работу, дом) до иррационального, необъяснимого ужаса. Как они справляются с этим? Прочтите ясную, прозрачную прозу автора, и, возможно, жизнь не покажется вам такой уж неразрешимой загадкой, а выбор — тяжелым и безысходным.

ISBN 978-5-00-503439-7

© Балуева М.
© Издательские решения

Содержание

Мальчик и чудовище	6
Гусыня – или тонкости корпоративной этики	8
Комиссия	12
Конь в лунном свете	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Здесь не страшно, здесь мой дом

Марина Балужева

Дизайнер обложки Любовь Гулько

Автор фотографии Annie Spratt

© Марина Балужева, 2019

© Любовь Гулько, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3439-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мальчик и чудовище

Тоненькая полоска света ломкой линией пересекает комнату. Там, за дверью продолжается жизнь взрослых. Кто-то тихо ходит, переставляет стул, скрипит дверцей шкафа. Издалека слышится смех.

Голубоватый свет с улицы дрожит и перемещается по стене, под углом расположенной к окну, так, что с кровати все видно хорошо. Осторожная выжидающая тень зависла под потолком, не исчезая и не растворяясь в мельтешении теней и света. Злой Пожарник не хочет уходить. Он ждет удобного момента.

Пожарником он был потому, что на голове у него был такой же шлем с завитком, какие Тима видел в старинной детской книжке, которая стояла на полке у бабушки в комнате, и по которой учился читать еще прадедушка Тимы. У пожарника на картинке были еще и усы, и большой сливообразный нос. Совсем как у того, другого, чья тень виднелась теперь на стене детской. Но пожарник из книжки был добрым, а этот злой, потому что при одном взгляде на него Тиме становилось страшно. Хотелось позвать взрослых, но мама скажет, что он трусиха, а бабушка станет ворчать, что он замучил всех своими капризами.

Тима решил не спать пока не уйдет Злой Пожарник.

Можно было бы выскочить из детской и босиком добежать до кухни, где все сейчас сидели у телевизора или отмывали посуду. Однако, за это могли и заругать. Могли и не заругать, но как узнать наверняка? Правда, сегодня Тима старательно сложил свои кубики вместе с остальными игрушками, когда бабушка сказала, что пора уже мыться и в постель. Он сегодня был хорошим мальчиком, и, может быть, его и не заругают, если он добежит босиком до кухни и заберется к маме на колени? Бабушка не любила, когда он оставлял беспорядок в детской на следующий день. Она любила повторять, что во всем должен быть порядок, и у каждой вещи должно быть свое место. Поэтому Тима вздохнул и покорно разобрал свой недостроенный городок из кубиков, в котором оставалось еще столько всего сделать, проложить дороги, поставить пожарную каланчу, домик гнома и пост ДПС. Папа его бы понял, а бабушке не объяснить. Но папы рядом не было. Тима старался быть хорошим для бабушки, и все сделал, чтобы она не бранила его. Бабушка не понимала, как жалко ему было беспощадно разрушать городок, который строился с таким старанием, когда оставалось совсем немного, чтобы запустить машинки по улицам.

Каждый раз, когда взрослые становились злыми, Тима пугался так, что готов был сделать все, чтобы умиловить их. Недавно в детском саду, когда воспитательница Ирина Анатольевна разговаривала по телефону в коридоре, Сашка Иванов и Темка Дубов обмазали пластилином красивый новый телевизор, который недавно поставили в игровой. Они сказали, что будет как в пластилиновом мультике. Все остальные дети играли и не обращали на них внимания. Только Тима стоял рядом, и говорил: «Не надо, ребята. Ирина Анатольевна не разрешала брать пластилин». Но они не слушали и продолжали свое дело, используя почти всю пачку, и телевизор действительно стал как в мультике. А когда хлопнула дверь, они врассыпную убежали, и только Тима остался на месте, так как не чувствовал за собой никакой вины. Ирина Анатольевна вошла очень расстроенная, что-то продолжая говорить в трубку про оплату и кредиты. Увидев, что стало с телевизором, и Тиму рядом с ним, она сначала встала неподвижно, а потом громко закричала про уродов, и как отмыть теперь телевизор, и что пластилин она покупала на свои деньги. Тима только сказал: «Это не я». «А кто же?!» – спросила Ирина Анатольевна. Тима промолчал и пожал плечами, потому что он не был ябедой. Тогда Ирина Анатольевна закричала: «Так ты еще и врешь», и ударила его по щеке. Не больно, но обидно. У нее был маникюр, и она ногтем расцарапала ему щеку. Но он этого сразу не заметил. Однако, царапину заметил папа, когда пришел его забирать. «Здравствуй, дружочек», – сказал он сначала

радостно, – «А что это у тебя на щеке? Подрался с кем-нибудь?» Тима дотронулся до щеки, и губы у него задрожали против воли при воспоминании об обиде. «Я не виноват», – сказал он тихо – «это Сашка с Темкой обмазали телевизор, а я наоборот их отговаривал, а Ирина Анатольевна подумала на меня, и...» «Это она тебя ударила?» Тима молчал. Папа страшно побледнел и ринулся в игровую одетый, в ботинках. Тима сильно испугался, что папа нарушает строгие правила порядка, и что теперь он будет ругаться с Ириной Анатольевной, а она, в свою очередь, невзлюбит Тиму окончательно. Из-за двери слышался тонкий голос Ирины Анатольевны с неразборчивыми словами и папино «Вашего духу завтра не будет в детском саду! Встретимся в прокуратуре!»

Папа вышел спокойный и сказал: «Все, дружок. Больше она не будет вас пугать!», и они весело пошли по улице, зашли в кафе, поели мороженого и допоздна катались с горки во дворе. Было весело и не страшно, как всегда бывает с папой.

Вернулись домой они поздно. В прихожей стояла мама. А подальше в коридоре виднелась бабушка. Мама была очень злая и уперла руки в бока, как это всегда бывало, когда она собиралась кричать. И она закричала.

Что они ждали весь вечер, и ребенка давно пора уже было привести домой. Что им звонила заведующая садиком и сказала, что папа устроил там какой-то дебош. Что он был пьян. «Неправда!» – закричал Тима. Мама не обратила на него внимание, и продолжала кричать, что у заведующей нет работников на такую маленькую зарплату, и она не может уволить воспитателя. «Пусть перестанет воровать сначала сама», – вставил папа громко. Мама закричала еще громче, что она только что с большим трудом устроила ребенка в садик и может искать работу, наконец. А бабушка поддакивала маме. И что все это потому, что он (папа) ничтожество, которое никогда не могло заработать достаточно денег, а теперь присылает мизерные алименты, и еще скандалит в детском садике, куда с таким трудом и по знакомству устроили ребенка.

С каждым словом мамы Тиме все больше хотелось спрятаться куда-нибудь. Он жалел папу, но и верил, что он неудачник, а вместе с ним неудачник и Тима, которому всегда так весело и легко с папой, значит, они заодно ничтожества и неудачники. Сейчас вся легкость исчезла, Тима присел на корточки, закрыл ладонями уши и закричал: «А-а-а...»

– Довел ребенка, – сказала мама, а бабушка с причитаниями потащила его на кухню. Папа молча повернулся и ушел.

Теперь папа не скоро придет. Идти придется одному, по дороге через лес. Лес зеленый, как летом, шелестит. Дорога петляет, а также идет в гору и под гору. Идти сначала легко, потом все тяжелее и тяжелее. Еще не видно, но уже слышно, как тяжелой поступью навстречу двигается Оно, необъяснимое, жуткое, без имени. Вот Оно появляется из-за поворота, серое, бесформенное, безобразное, всеобъемлющее. Оно приближается, а ноги как будто приклеены к земле. Невыразимый ужас охватывает Тиму.

– А-а-а-а... – дверь распахивается, свет из соседней комнаты освещает кровать. Мама держит его на руках и повторяет

– Трусишка, трусишка, успокойся, я здесь... Сейчас накапаем капельки. Бедный больной зайчик мой. Все будет хорошо, успокойся.

август 2016

Гусыня – или тонкости корпоративной этики

Радужная стружка серпантина свисает со столов, шведских стенок, брусьев, стульев. Крошка конфетти сорно покрывает пол тут и там, мешаясь с клочками серебряной и золотой фольги, смятыми яркими фантиками, округлыми пластиковыми пробками от шампанского. В углу невозмутимо переливается елка. Закончилось принужденное веселье вчерашнего дня.

Почему школьная жизнь, еще с детства, так напитана тоской и тревогой?

Полина со вздохом оглядела спортивный зал. Вчера здесь проходил школьный новогодний праздник для учителей. Сегодня Полине выпало носить стулья, взятые на время из столовой, обратно на их постоянное место.

Когда распределяли обязанности и решали, кто из учителей будет готовить закуски и сервировать столы, а кто будет после праздника на следующий день приводить все в порядок, она с готовностью ухватилась за возможность прибираться и вызвалась сама перетаскать стулья.

Таскать стулья, чтобы не хлопотать над едой, не демонстрировать свои кулинарные и декораторские способности, не вступать в соревнование с другими учительницами (перспектива соревнования не вызвала азарта, только отторжение). Таскать стулья, чтобы не вдыхать запахи колбас и мяса, которые раздражали ее, потому что шел Рождественский пост, и она держала его, как привыкла, уже несколько лет.

Не хотелось идти на эту вечеринку вообще, без выяснения причин, просто. Но она согласилась. Почему? Не потому ли, что ее отказ возможно будет истолкован, как гордость? Гордость – это грех, нельзя быть гордой. Но главное, она не чувствовала себя в школе вполне своей. Дистанция между ней и новыми сотрудниками, едва уловимое отчуждение не сокращались, как ни старалась она всем улыбаться. И это тревожило.

Когда объявили сбор денег на предстоящий праздник (часть, конечно, давал местком, однако, всю сумму местком не потянул), Полина долго не могла принять решение. Единственная подруга Ира, школьный психолог (та, которая и привела ее в эту школу) выложила неотразимые аргументы. «Банкет – часть корпоративной культуры. Не пойдешь – выбьешься из группы, станешь белой вороной, тогда пеняй на себя. Это возможность наладить отношения, пообщаться неформально. В том числе и с начальством. Да что ты, в самом деле! Расслабься, повеселись, потренируй свои коммуникативные навыки».

Отец Григорий, настоятель православного храма, куда Полина ходила уже несколько лет посоветовал: «Если уж совсем никак не отказаться под благовидным предлогом, то сходи, но, не привлекая внимание, постарайся не есть скоромного и не пить крепких напитков, но смотри по ситуации, людей обижать не надо своим видом».

Легко сказать. Не обижать людей, не показывать гордость, быть для всех хорошей – возможно ли это? Теория всегда немного расходится с практикой. Вечер стал испытанием. Столы ломились от колбас, ветчин, сыров. От мисок с салатами, густо приправленными майонезом и сметаной, от бутылок со всевозможными спиртными напитками разной крепости. Полина заедала сухое вино помидорами с хлебом, В обычное время поста такая трапеза показала бы царской. Но сейчас хмель пробирался через полупустой желудок, а в бокал все подливали, невзирая на ее слабые протесты. Кругом гремела музыка, мелькали разгоряченные лица, блестяшки, шелка и полуобнаженные прелести педсостава, средний возраст которого был уже весьма зрелым. Завхоз Нина Ивановна пела под караоке «А на том берегу забудки цветут», сорванным сипловатым голосом. К тому времени, когда ситуация позволяла уйти незаметно ввиду всеобщего экстатического благодушия, Полине уже было не оторваться от стула. Она делала это с трудом только чтобы потанцевать с учителем физкультуры, молодцеватым – если не сказать эффектным – мужчиной, одним из трех в школе. Ну и, пожалуй, чтобы отдельно в кругу, что-то спеть под караоке.

Домой она пришла еле-еле, голова кружилась. А наутро голова нестерпимо болела.

Полина взяла два ближайших к себе стула и понесла по длинному коридору в другое крыло здания.

В столовой было непривычно пусто. Впрочем, часть столов уже кто-то перенес и они, сгрудившись, стояли в углу, частью друг на друге, ножками вверх, но один из них был оставлен в сторону, и на нем стояли сейчас чайные кружки, электрический чайник, два блюда – одно с колбасой и сыром, другое с чем-то сладким. За столом – как-то боком, как бы на минутку присев – сидели три дамы. Сидела учительница начальных классов Зоя Ивановна, полногрудая, в обтягивающем цветастом джемпере, черных узких брюках и вызывающе неровной стрижкой на мелированных волосах. Рядом была математичка Ольга, сухая с невесомой бесплотной фигурой, в джинсах и сверкающем блестками пушистым свитере. Третьей в компании была Алла Терентьевна Задерий, внушительных размеров дама в пунцовой тунике и черной мини-юбке, обнажающей округлые колени. Алла Терентьевна была директором школы. Эта живописная группа о чем-то тихо переговаривалась.

«Зачем они здесь, а не дома?» – думала Полина, возвращаясь в спортивный зал. – «Или я чего-то не понимаю?». Шаги ее гулко отдавались в тишине пустого коридора.

Сама она с трудом выкроила время, чтобы в выходной день, с ломящейся после вынужденной попойки головой, прийти сюда и выполнить свой долг перед коллективом.

Дома оставались больной тесть, прикованный после инсульта к постели, муж, недавно потерявший работу и восьмилетняя дочка Риточка. У ребенка на сегодня была елка в большом концертном зале «Октябрьский». Думали поначалу, что пойдет на елку папа. А Полина выполнит свой долг перед коллективом, уберет стулья. Но неожиданно мужу назначили собеседование на предполагаемой новой работе именно на это время. Пришлось уговорить Риточку не ходить на представление, но пообещать, что они непременно заберут положенный подарок – коробку со сладостями, а потом еще погуляют по Невскому. Риточка согласилась с трудом, тяжело вздохнув. Обманывать ребенка нельзя было. Надо было быстро перетаскать все стулья и успеть к дочери, которая, так получалось, на час останется только с больным дедушкой в квартире. Знала бы Полина, что так получится, лучше бы напросилась на готовку, но собеседование назначили только вчера. И хоть шансов получить эту работу было у мужа мало, все равно нельзя было отказать. И не пойти на праздник, не убирать стулья тоже нельзя было, так как Полина с подросткового возраста, когда приучала себя к стойкости, подражая героям любимых книг, привыкла держать слово, а выполнять долг ее приучила мама, воспитанная при развитом социализме и сама проработавшая тридцать лет в школе. Долг перед коллективом – звучало магически. Столь же магически звучали правила православных христиан, которые пришли на смену ценностям социализма. Страхись обидеть другого человека – это было одно из правил, подтвержденное многократными высказываниями святых отцов и советами священников. Забвение себя было другое правило, подлежащее столь же неукоснительному исполнению. И еще множество других.

В приходе, куда она ходила уже несколько лет каждое воскресенье, мыть посуду после трапезы было почетно. Так же, как чистить подсвечники в маленьком храме или выносить мусор на помойку в ближайшем дворе. Там, несмотря на обилие прописных правил, было легко. Возможно, потому что никто не осуждал за необычное поведение или какие-то привычки человека. Поэтому с самого начала своего пребывания в этом сообществе людей она почувствовала себя как рыба в воде и все неловкости в отношениях, которые возникали или только еще могли возникнуть, лечила простой и нужной другим работой. Отец настоятель Григорий называл их общину почему-то «маргинальной» и говорил, что долго им не устоять, дескать, нет рентабельности, да и плывут они против течения, не вписываются в общий «тренд». Полину пугало это слово – «тренд», в нем чудилась угроза.

Здесь, в школе она столкнулась с неловкостью и тяжестью в отношениях. Вероятно, это и было проявление «тренда». Но ведь это была не церковная община, а государственное учреждение.

И Полине казалось почему-то, что если здесь, на этом вынужденном из-за бедственного положения семьи месте работы, она изберет тактику поведения, опробованную на приходе, то все обязательно сложится. Все благочестивые книги учили, что к людям надо подходить по-хорошему, с добром. И, хоть беспокойство росло в душе с каждым днем, Полина полагала сейчас, что смиренным тасканием стульев она все поправит и сумеет это сделать быстро, так же как и успеть к домашним делам.

С новой партией стульев в обеих руках она опять явилась на пороге столовой.

Компания в углу оставалась на местах, по-прежнему тихо беседуя. До слуха Полины донеслись слова «отжигали», «аспирин», «рассол», «сервелат», «ни бум-бум» «пиво», «карачки», но она постаралась сделать вид, что не слышит эти слова, предательски выдающие обыденное похмельное содержание беседы, этот восторг от головокружительного и запретного расслабления многодневно собранных в кулак людей. Полина прошла мимо – быстро и деловито.

Внезапно она догадалась, что происходящее в углу как раз именно и есть это неформальное общение с начальством, про которое ей говорила подруга-психолог, и к которому ей открылась такая внезапная и счастливая возможность. И что она могла бы бросить эти стулья, и легко подсесть к столу и за чаем и воспоминаниями о попойке, рассказами о семье, сетованиями на здоровье, деловито и ненавязчиво решить никак нерешаемые вопросы – ну хотя бы с помещением для занятий, которого у нее до сих пор не было, или с приобретением бумаги, которую приходилось покупать за свой счет. Она заколебалась, чувствуя, что хорошо было бы подсесть сейчас к столу и непринужденно присоединиться к разговору.

Но воспоминание о дочке, а также о большом количестве еще не перетасканных стульев воспрепятствовало осуществлению этого шага.

Она носила и носила стулья, а беспокойство нарастало.

Она боялась себе признаться, что ей страшно и не хочется выдавать бедственное положение семьи, все равно, как жаловаться. Ей не хотелось открываться этим полужнакомым людям. Она пришла сюда, бросив аспирантуру и любимые исследования. Чтобы преподавать рисование и мировую художественную литературу. Пришла с содроганием, жертвенно, так как воспоминания о собственных школьных годах навсегда оставили неприятный осадок и ощущение казарменного выравнивания взрослых и детей.

Неожиданно работа ей понравилась. У нее получалось, и отношения детьми складывались легко и даже весело. Были и результаты. Уроки ее приобретали популярность, ученики радовали успехами на детских выставках и районных олимпиадах. Однако, постоянного помещения для занятий у нее не было, бумагу и краски приходилось приобретать за свой счет, ее никогда не хвалили. Наоборот, коллеги и начальство не упускали случая напомнить о том, что она не имела специального педагогического образования, без которого ей никогда не стать профессионалом. В этом она видела ревность коллег к ее прошлому – свободному и радостному.

Свобода и радость были под негласным запретом. Система регламентировала каждый шаг, не давая вздохнуть, подумать, не давая жить. Обычным делом были неоправданные растраты времени, принятые как должное, и большое количество вообще нецелесообразных и ненужных дел в то время, как нужные не делались. Педсоветы, совещания, собрания, мероприятия и всевозможный мусор принудительного энтузиазма отрывали от уроков, мешали внимательно и спокойно общаться с детьми. Это была расточительная и жестокая трата человеческих ресурсов, взрослых и детских. Во имя чего? Не отсюда ли у ее нынешних коллег ревность к внешнему миру, желание утвердиться хотя бы вот таким отстаиванием ценности педагогической науки, превратившейся к нынешнему времени в малоприменимый талмуд?

И хоть тревога Полины росла день ото дня, эта работа нужна была ей. Поэтому она изо всех сил старалась доказать свою нужность, полезность и свое право быть учителем средней школы. В самом деле, разве не поможет ей всегдашняя исполнительность, трудолюбие, усердие? Они всегда ей помогали.

Она опять зашла в столовую с тремя стульями в руках (один поставлен на другой) и поняла, что что-то произошло, а именно – разговор смолк при ее появлении.

«Я стала мнительной» – подумалось Полине, и она взглянула на круглые часы, что были вмонтированы в стену над окошечком раздачи. «Кажется, успеваю», мелькнуло в мыслях, и настроение приподнялось. Она отошла уже на достаточно большое расстояние от начальственного стола, чтобы сидящие за столом могли свободно возобновить разговор без опасения, что она услышит. Однако акустика пустого зала совершила свое предательское дело. До слуха донеслось: «У нас тоже в школе, где я раньше работала, была одна такая, все святошу из себя строила, гусыня – непьющая правильная такая вся из себя, в результате так потом надрызгалась, что выносить пришлось...»

«Неужели это про меня?» – подумала Полина, направляясь в спортзал за очередными стульями. – «Почему так зло? Что я им сделала?» И еще она подумала, что никогда ей, видимо, не овладеть тонкостями корпоративной культуры. Не ее это профиль. Каждому свое.

Уже подходя к своему дому, она решила, что справедливо наказана за ложь по отношению к самой себе. Ведь если бы не нужда в деньгах, она ни за что не выбрала бы эту работу. А все это разговоры о призвании, корпоративной этике, культуре коммуникации и благочестивом отношении к людям – всего лишь мишура, чтобы скрыть от себя эту правду и вынудить себя делать то, что делать совсем не хочется. Странно, но от этой простой мысли Полине стало легче, и дверь квартиры она открывала уже в почти хорошем расположении духа.

сентябрь 2011

Комиссия

Если в голове пульсирует звонкая боль, в глубине желудка гнездится тошнота, а глаза слипаются после бессонной ночи, проведенной с ледяным пузырем у виска, – тут уж не до порядка в квартире. Тут уж переступишь через скомканные счета и конспекты на полу, не заметишь посуды, громоздящейся в мойке аж до самого отверстия крана. Такое вот безалкогольное похмелье.

Только бы доползти, выстоять, выдержать... Стакан холодной воды, таблетка, чашка кофе с воздушной пеной. Черт!... Как кружится голова.

Коростелева Нина Максимовна собиралась на работу.

Она не то, чтобы плохо отдохнула за два месяца отпуска. Нет, она предприняла невероятные усилия чтобы расслабиться и запретила себе спешку усилием воли. Двигалась медленно, всякое дело совершала неторопливо. Более того, она постаралась набраться положительных эмоций и свежих впечатлений, поездив неделю по европейским столицам. Казалось, победа за ней. Триумфальная победа над собою. Но дней за десять до окончания отдыха Нина Максимовна почувствовала себя очень плохо.

Мысль о том, что держать себя в руках бесполезно и подлая правда, засунутая в закоулки сознания, все равно возьмет свое в неподходящий момент, а значит она, Нина Максимовна, беззащитна против этой правды о самой себе, – эта мысль не давала ей покоя. Ей нужна была эта работа. Эта получка и этот аванс. Два раза в месяц.

Горячий душ, душистый крем, волосы после фена идеально растрепаны. Еще одна чашечка кофе, еще одна таблетка, и она кажется готова. Последний взгляд в зеркало и вперед.

Она еще не старая успешная женщина. Бодрая, подтянутая. Губы цвета терракот с перламутром. Она умна и компетентна. Бедрa покачиваются, каблуки стучат. По осенней мостовой, мимо зеркальных луж, мимо россыпей желтых листьев. Энергично, позитивно. Все в порядке, у меня все в порядке.

...В кабинете было прохладно, пахло дорогой парфюмерией и табаком. Сесть надо справа от начальника. Так пишут в глянцевах журналах по психологии. Место справа очень выгодно чем-то. Чем именно, Нина Максимовна не могла вспомнить, но место быстро заняла и подумала, что это удача с утра, хорошее начало. Они с директрисой не могли сейчас разглядывать друг друга. Только краем глаза и только профиль, только локоть директрисы в рукаве очередного чего-то нового темно-синего. Зато Нина Максимовна хорошо видела всех, кто заходил в кабинет.

Их силуэты на фоне окна в секретарском «предбаннике». Один, другой, третий... Рассаживаются вдоль стен и вокруг стола. Молча. Вежливо-настороженные улыбки, изящные прически, образцовый маникюр.

Можно было расслабиться, дело предстояло нетрудное, решение было заранее вынесено оставалось только покивать, поподдакивать. Иное дело – войти в класс. Надо будет потом еще войти в класс и вести урок. Нина Максимовна почувствовала остро, как надвигается на нее чувство, которое можно было бы назвать страхом, если бы давно не было установки, что она ничего не боится в этой по бесспорно утвержденному определению – самой доброй и светлой школе, где творится самое доброе добро. Это было желание убежать от стен, покрытых розовым и бежевым картоном по всем законам модного европейского ремонта, куда-нибудь, где будет пусть меньше удобств, но зато под ногами будет твердая почва.

– Девочки, так вы хорошо поняли, что нужно говорить? – Черненко облизала губы и привычно намотала на палец прядь обесцвеченных волос. – Чтобы потом самим не жалеть и не мучиться. Сейчас допустите слабость, а потом придется отвечать. Голос у нее звенел.

Черненко была школьным начальником медицинской службы, психиатром и неизменным экспертом по всем воспитательным вопросам. Она одевалась в черные и серые, очень дорогие костюмы из бутиков и ярко красила губы. Сейчас она сидела в углу, нога на ногу, и томными глазами исподлобья поглядывала на учителей.

Нина Максимовна вспомнила, как десять лет назад, начиная преподавать в этой школе историю, радовалась и патетически рассказывала всем, как действительно будет доказывать всему миру, что дети с церебральным параличом могут быть успешным, и что человек на инвалидной коляске может быть умен, а на костылях – талантлив. Какая наивность! Тьфу, да не то наивность, что дети здесь талантливы, как и всякие дети, это правда, а наивность поверить в свое служение! И что вообще такое успех? Может ли она сама, Нина Максимовна, быть успешной? Получилось ли это у нее, для начала, а? И кто она вообще такая, чтобы ожидать от себя каких-то результатов?

Дети... В школе попадались такие дети, кто до последнего звонка, так и не стал учиться ровно и мог ничего не написать в контрольной. Были и другие. Которых сначала учителя признавали необучаемыми и умственно отсталыми, а потом неожиданно для всех эти дети начинали стараться и показывали результаты. Даже поступали в вуз. Один выпускник стал писателем, победил со своей книгой на конкурсе. Другой стал чемпионом мира по бегу на инвалидных колясках. Церебральный паралич таит в себе много неожиданностей. Дело такое, непростое. Где-то она слышала о непостижимости замысла Божьего об отдельном человеке, его не угадать заранее, этот замысел. Только жить, словно ступая по тонкому льду, и любить, любить, любить... Эх...

Учителя. Могут ли они любить детей? Это немодный тренд. В моде успешность. В реальности унижение, явное или тонко замаскированное, а также невероятно высокий темп, не дающий расслабиться и восстановить свое внутреннее состояние, – крушили и ломали здесь людей. Об успешности постоянно велись речи, как бы в насмешку, потому что быть ее тут не могло.

– Ну что, приглашаем? – сказала завуч Анастасия Эрнестовна, которой незаметно директриса уступила свое место во главе стола. Анастасия поправила очки в красивой оправе и воинственно тряхнула модной стрижкой.

В кабинет вошла женщина высокая, с усталым, но все еще очень красивым лицом.

Все матери, у которых на руках оказались больные дети, все они усталые и запуганные. – подумала Коростелева. Некоторые смиренны, некоторые агрессивны. Но все обычно усталые и запуганные.

Эта женщина много времени проводит, занимаясь со своим ребенком, тянет из последних сил. Что это? В глубине глаз вошедшей женщины мелькнула искорка. Непокорность? Насмешка? Или показалось?

– Ксения Викторовна мы все очень любим вашу девочку, Алену, – торжественно начала завуч — это очень милый ребенок и учителя до сих пор не пришли к единому мнению относительно... относительно... ее обучаемости. Но – в дальнейшем ей будет все труднее осваивать программу. Вы же сами это понимаете.

Алена, о которой шла речь, была подросток, хорошенькая и смешливая, похожая на мать. Алена с трудом передвигалась с помощью ходунков и очень неровно училась, то догоняя сверстников, то отставая от них. Она часто замирала на уроке, глядя куда-то вдаль большими вечно удивленными серыми глазами и не слыша вопросов учителей и отвечая невпопад, что некоторым казалось признаком странного поведения.

– Я понимаю, что она не отличница, ну неужели и троечницей она не может быть? – просительно сказала мать. – А потом можно будет вернуться с этой развивающей программы, потом на общую, если наладится учеба? Можно будет получить аттестат? – Все промолчали.

– Ну, пусть просто побудет троечницей в этом классе, – повторила устало и бессильно мать. Молчание нависло над кабинетом.

– Хорошо – бодро перешла к следующему этапу Анастасия Эрнестовна. – Дадим высказаться нашим учителям. Пожалуйста. Кто начнет?

– Совсем не берет программу, – сказала математичка Ступакова, полная и с необыкновенно здоровым цветом лица. – Что дальше будет? – она покачала головой и поправив мелированную прядь волос. Искоса взглянула на сидящую рядом биологичку Ксению Сергеевну, смуглую красавицу тридцати лет,. Та подхватила эстафету

– Большой объем информации совершенно не усваивает. Не охватывает необходимое.

И дальше пошло-поехало. Задания на применение не выполняет. Объем памяти ограничен. Внимание удерживает не более полминуты. Пишет медленно. Смеется странно. Машет руками. Краснеет, если задать ей вопрос.

– У меня хорошо учится. Вчера поставила четыре, – вырвалась из общего хора русистка Берсенева, устремив бесстрастный пятидесятилетний взгляд куда-то вдаль. В секретарский предбанник.

Дошла очередь до Нины Максимовны. Она откашлялась

– Не могу ничего сказать пока. Учится неровно. Вы не пытались общаться с психологом? Мне кажется, память блокируется из-за невроза, так бывает иногда.

Она поймала внимательный взгляд матери.

– У нас очень хорошие, веселые детки на этой развивающей программе, – перебила Коростелеву Анастасия Эрнестовна. – Алена будет счастлива, и она даже сможет перейти на класс старше. Начать с более старшего класса, это ей понравится.

Зачем директорисе понадобилось бороться с этой мамашей? Неужели просто как обычно для тренировки своей воли и умения навязывать ее другим? Школа была признана образцовой, был большой конкурс, не всем удавалось пристроить сюда своих детей. Критерии отбора были известны только директору. Успешность, успешность – какая поспешность, безумная внешность, слепая погрешность... М-мм, что это за бред в голове?.. Возможно, мамаша была недогадлива в том, как надо себя вести после получения места, и что-то сделала не так?

А как хорошо все начиналось! Рисование, бисероплетение, керамика, танцы на колясках, стихи, математические конкурсы, пение, спектакли – все было так отлично организовано для развития детей. Для того, чтобы, ограниченные в движении, они не были ограничены интеллектуально, культурно, нравственно. На это работали все учителя, радостно и неумолимо. Куда все подевалось? Ушло. Растворилось в этих ровных стенах, в этом единообразии, в контроле и управлении, в дорогих компьютерах и проекционных установках, в технологии и компетентности, и еще в куче всякой другой словесной и несловесной шелухи. Терпение называют добродетелью, точно ли?

– Мы подумаем, – сказала мать. – Подумаем и сообщим вам решение.

– Подумайте, Ксения Викторовна. – с облегчением подхватила Анастасия. – Ведь все желают Алене только добра.

Дома Нина Максимовна растянулась на диване. Сейчас придут с работы сын, муж. Придут дочери из школы. Она почувствовала напряжение от одной только мысли об этом. Вот-вот, сейчас она услышит: «не говори менторским тоном», «не контролируй меня», «ты повторяешь эту фразу уже в пятый раз». Домашние отчаянно сопротивлялись ей, делали все наоборот. А ведь она так хотела им добра, только добра.

Успешность, компетентность, оптимизм... И вот еще – способность к адаптации, толерантность к стрессу... Все это требуется от тебя и всего этого у тебя нет, нет, нет. И поэтому ты должна бояться, бояться, бояться. Выносливость, лояльность, моральная амбивалентность...

Опять подступила тошнота, заныли суставы.

Она вдруг вспомнила, как смеялась вчера Алена, когда одноклассник Дима Карпов сказал, что в старину дамы носили декольтированные юбки. Чувство юмора. У этой девочки изрядное чувство юмора, а это значит...

Нина Максимовна взяла трубку телефона.

– Ксения Викторовна, послушайте, нам не дали поговорить сегодня, но я все же хочу довести до вас свое мнение. Я считаю, что Алену не надо переводить в другой класс, да-да я полностью с вами согласна да-да... не надо меня благодарить. Но на поведение стоит обратить внимание, Возможно, это школьный невроз. Возможно, он имеется, многие дети страдают школьным неврозом. Но это преодолимо... Вы правильно делаете, что используете все шансы. Так и дальше... Не надо меня благодарить... держитесь. Главное, постарайтесь научить ее быть счастливой. Вы так много сил отдали ей уже... все будет хорошо...

Она нажала кнопку отбоя и в этот же момент почувствовала, что у нее ничего не болит.

декабрь 2012

Конь в лунном свете

Колодец будет здесь, -сказал Николай. Он постоял некоторое время, опустив голову, словно застигнутый внезапной и неотложной мыслью, потом наступил на штык лопаты и принялся энергично копать.

Его жена, Маргарита, которая вот уже два дня безуспешно пыталась убедить мужа посоветоваться сначала со знающим человеком, найти точное место для колодца и только потом приниматься копать, теперь, пожав плечами, ушла в дом. Спорить с Николаем было бесполезно. Он был упрям. Она знала, что сейчас перед глазами у него картина: осенние яблоки, падающие на плоскую деревянную крышку колодца. Как было в том маленьком провинциальном русском городке, где прошло его скудное детство. Где он вырос и выучился живописи. Он не мыслил иначе, потому и рыть стал под старой яблоней напротив крыльца, невзирая на попытки близких переубедить его.

К обеду вода еще не появилась. К концу дня была уже глубокая яма под яблоней, но без воды. Николай был мрачен и неразговорчив. А на следующее утро взял этюдник и ушел бродить по полям.

Маргарита осталась на хозяйстве в большом старинном крестьянском доме. Дом они купили прошлой зимой в маленькой затерянной в лесах деревушке к северу от Санкт-Петербурга. Маргарита топила русскую печь, с которой научилась управляться, и даже испекла в ней однажды пирог с черникой. Сейчас она варила картошку в чугушке, который ловко ворочала в печи ухватом. И чугушки и ухваты достались им вместе с домом, как принадлежность к нему. Вместе с массивным столом и резным буфетом крестьянской выделки еще дореволюционных годов. В большом чугушке сейчас закипала вода для стирки детских вещей. Близнецы семи лет, девочка и мальчик, играли на полянке с собакой, кидая друг другу мяч. В окно было видно, как рыжий лохматый щенок неизвестной породы носился между ними с заливистым лаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.